

С.К. Гогель

**Суд присяжных и экспертиза
в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.К. Гогель**
Суд присяжных и экспертиза в России / С.К. Гогель – М.: Книга по Требованию,
2016. – 120 с.

ISBN 978-5-518-02928-6

ISBN 978-5-518-02928-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

подсудимаго къ совершенію преступленій въ будущемъ. Этотъ судъ экспертовъ не будетъ страдать тѣми недостатками, которыми страдаетъ современный судъ присяжныхъ: невѣжествомъ и послѣдствіями невѣжества: непослѣдовательностью, измѣнчивостью въ сужденіяхъ, пристрастностью и излишней слабостью.

Въ своемъ сочиненіи *Philosophie penale* (1891) Tarde говоритъ (стр. 443, 447): „невѣжество, робость, наивность, непостоянство, непослѣдовательность, пристрастность, то рабская, то задорная, присяжныхъ засѣдателей достаточно доказаны; въ въ чемъ единогласно упрекаютъ судъ присяжныхъ—это въ слабости“. Крайніе представители новой школы, въ родѣ Ломброзо, требуютъ уничтоженія не только суда присяжныхъ, но вообще суда; болѣе умѣренные, въ лицѣ Ферри, надѣются, все таки, что настанетъ время, когда весь разборъ передъ судомъ будетъ состоять въ опредѣленіи, въ какую категорію преступниковъ долженъ быть зачисленъ подсудимый. Такіе представители школы, какъ Гарофало (*Criminologie* 1888) стр. 366 и т. д.) и Тардъ—юристы по профессіи, по службѣ, придаютъ еще этимъ ученымъ экспертамъ-врачамъ судей, но съ совершенно другимъ, чѣмъ нынѣ, образованіемъ, другими взглядами, правами. Тотъ же Тардъ, однако, самъ признаетъ, что самый трудный вопросъ въ критикѣ суда присяжныхъ—это вопросъ, чѣмъ его замѣнить?

Не касаясь основныхъ положеній новой школы, получившихъ, уже, надлежащее освѣщеніе и въ нашей литературѣ, въ рядѣ статей и даже сочиненій (Спасовича, Лихачева, Закревскаго, Вульфберта и др.), мы займемся лишь вопросомъ объ отношеніяхъ новой школы къ суду присяжныхъ, такъ какъ школа эта повторяетъ, какъ я уже сказалъ, и возраженія, высказанныя съ другихъ точекъ зрѣнія, возраженія, которыя часто повторяются и у насъ.

Мы попытаемся, на основаніи научныхъ данныхъ, отчетовъ о русскихъ процессахъ, и личныхъ наблюденій надъ дѣятельностью суда присяжныхъ и экспертизы у насъ въ Россіи выяснить, насколько справедливы нападки на судъ присяжныхъ, на сколько

оправдываются надежды тѣхъ, которые желаютъ передать правосудіе въ руки экспертовъ; какова роль экспертизы въ современномъ процессѣ и какъ её исполняютъ представители экспертизы; на сколько дѣйствительно суду присяжныхъ присущи тѣ недостатки, на которые указываютъ враги этого суда, почему именно судъ присяжныхъ не замѣнимъ, какъ признаетъ это и новая школа.

I

Начнемъ съ характеристики дѣятельности экспертизы въ современномъ процессѣ.

Дѣятельность эта, несомнѣнно, гораздо скромнѣе той, которая предназначается ей въ будущемъ новой школой.

Дѣйствующіе въ настоящее время Уставы Уголовнаго Судопроизводства: Россіи ст. 325—356, 690—695, Франціи Cod. In. Cr. § 43 § 44 § 269 Cod penal § 64, Италіи § 153, § 281 § 479 Cod. di proc. pen., Германіи § 80, 220, 252, Австріи § 116—135, 246, 247 (Manz Aus. 1893) относятъ экспертизу: во первыхъ къ числу доказательствъ, принимаемыхъ по уголовнымъ дѣламъ, а во вторыхъ призываютъ экспертизу содѣйствовать суду въ опредѣленіи состоянія умственныхъ способностей преступника; положеніе экспертовъ опредѣлено на равнѣ со свидѣтелями, съ нѣкоторыми лишь, незначительными, преимуществами, а во французскомъ кодексѣ объ экспертахъ даже вовсе не упоминается, а лишь о свидѣтеляхъ, къ числу которыхъ причислены и эксперты (мы говоримъ о текстѣ законовъ, а не о практикѣ).

Въ качествѣ одного изъ доказательствъ, на ряду съ показаніями свидѣтелей, объясненіями подсудимаго, и т. д., экспертиза вовсе не призывается современнымъ законодательствомъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, имѣемъ ли мы дѣло въ данномъ случаѣ съ преступленіемъ или нѣтъ, была ли смерть насильственной или естественной — это вопросы, которые никакимъ образомъ не могутъ быть разрѣшены на основаніи однихъ свѣдѣній изъ анатоміи, физиологіи и другихъ естественныхъ наукъ; они разрѣшаются путемъ обсужденія цѣлаго ряда, чисто внѣшнихъ, общежитейскихъ, обстоятельствъ, путемъ устраненія всякихъ другихъ, возможныхъ, объясненій смерти: отъ самоубійства, отъ допущенной самимъ потерпѣвшимъ неосторожности и т. д.

Эксперты призываются давать заключенія исключительно на основаніи свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ; имъ предлагаются вопросы о томъ, имѣются ли въ данномъ случаѣ какія либо отклоненія отъ нормальнаго состоянія организма, если имѣются, то отъ какихъ причинъ такія отклоненія могутъ происходить; имѣются ли признаки введенія яда; если имѣются поврежденія, то какова степень важности для организма такихъ поврежденій; если послѣдовала смерть, то можно ли признать, что смерть была вызвана именно этими поврежденіями, а не была слѣдствіемъ и еще какихъ либо другихъ причинъ, патологическихъ? Экспертамъ предлагаютъ вопросъ, здоровъ-ли психически обвиняемый, каково состояніе его умственныхъ способностей?

Къ сожалѣнію, современная экспертиза никогда не удерживается въ указанныхъ выше рамкахъ; она не ограничивается разрѣшеніемъ перечисленныхъ вопросовъ, она разрѣшаетъ и вопросы о томъ, была ли смерть насильственной или нѣтъ, подчасъ даже, была ли смерть дѣяніемъ обвиняемаго; преступникъ ли обвиняемый, можетъ ли онъ быть наказанъ; выходя изъ рамокъ въ смыслѣ подлежащей ей рѣшенію задачи, она точно также, произвольно, расширяетъ и матеріалъ, подлежащій ей изслѣдованію, включая въ него всѣ показанія свидѣтелей и вообще всѣ данныя, добытыя слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, совершенно нарушается необходимое равновѣсіе силъ, дѣйствующихъ въ процессѣ, и, вмѣсто облегченія, затрудняется выясненіе истины.

А между тѣмъ, и сравнительно скромная задача, которая предлагается врачамъ экспертамъ, по закону, можетъ быть имъ разрѣшена только крайне относительно. Вопросы, которые предлагаются экспертамъ, тѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ они должны облегчить суду, выходятъ изъ предѣловъ наиболее разслѣдованныхъ областей медицины, анатоміи, фізіологіи, патологіи и т. д. и составляютъ совершенно самостоятельную область — область столкновеній здороваго, или больнаго, человѣческаго организма съ злой волей человѣка и его произволомъ, столь разнообразно проявляющимся, что никакихъ законовъ такого проявленія установлено быть не можетъ; каждый отдѣльный

случай представляет сложную, запутанную, задачу, ибо нельзя отгадать, какие пути избрала в данномъ случаѣ злая человѣческая воля, а по слѣдамъ, оставленнымъ въ организмѣ, въ особенности если они не грубы и не рѣзко видны, трудно опредѣлить эти пути; какъ часто бываетъ невозможно опредѣлить эти пути на основаніи однихъ физическихъ данныхъ, такъ что приходится передавать и эту часть задачи судьямъ другой ея части, неизмѣримо бѣльшей, еще болѣе разнообразной — судьямъ и экспертамъ человѣческаго произвола и его проявленій, судьямъ и знатокамъ жизни. Какъ рѣдко бываютъ физическіе процессы въ чистомъ и единственномъ видѣ, какъ часто бываетъ стеченіе нѣсколькихъ процессовъ, въ которыхъ трудно разобраться, а тѣмъ болѣе трудно опредѣлить, отъ какого именно изъ этихъ процессовъ произошла смерть; сколько случаевъ смерти, въ которыхъ эксперты даютъ заключеніе, что смерть произошла отъ асфиксіи, не будучи въ состояніи, болѣе подробно, выяснить, чѣмъ вызвана эта асфиксія, въ особенности если не имѣется грубыхъ, наружныхъ, знаковъ насилія.

Если отъ грубыхъ случаевъ физическаго насилія, перейти къ отравленіямъ, то весь центръ тяжести, тотчасъ-же, переходитъ отъ экспертизы къ анализу внѣшнихъ обстоятельствъ. Смерть произошла отъ отравленія, но былъ-ли ядъ введенъ добровольно, случайно, или насильственно — разрѣшеніе этихъ вопросовъ, важнѣйшихъ въ дѣлѣ, зависятъ исключительно отъ установленія и оцѣнки внѣшнихъ обстоятельствъ; еще сильнѣе представляется затрудненіе, когда вещество, введенное въ организмъ, дѣйствуетъ вредно, ядовито только въ извѣстномъ размѣрѣ. Поясню самымъ, повидимому, несложнымъ примѣромъ. Въ полѣ, внѣ дороги, среди пахати, былъ усмотрѣнъ трупъ крестьянина; онъ лежалъ на возу, лошадь стояла въ упряжи, возжи замотаны вокругъ боковыхъ перекладинъ воза; видно было, что крестьянинъ пошелъ сюда не добровольно и не случайно — замотанныя возжи, лучше всего, указывали на это; при вскрытіи, врачъ опредѣлялъ смерть отъ асфиксіи и констатировалъ запахъ алкоголя во внутренностяхъ; если бы трупъ былъ найденъ нѣ-

сколькими днями позже, запах бы исчезъ, остался-бы фактъ смерти отъ асфиксiи; но такое опредѣленiе ничуть не разъясняетъ, какимъ образомъ произошла смерть: естественно или насильственно, такъ какъ асфиксiя является послѣднимъ, предсмертнымъ, фазисомъ во многихъ случаяхъ. Внѣшняя обстановка дала больше; прежде всего, было выяснено, что съ покойнаго и у покойнаго ничего не похищено—это устраняло мысль о корыстномъ преступленiи; за тѣмъ, путемъ распросовъ, было установлено, что покойный, на товарищеской пирушкѣ, выпилъ лишнее, тутъ же заболѣлъ и черезъ нѣсколько часовъ умеръ; хозяйка дома, боясь ответственности, вывезли трупъ въ поле.

Процессъ Потомственного Почетнаго Гражданина Максименко, тоже, даетъ блестящiй примѣръ того, какъ важно знанiе и оцѣнка внѣшнихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть, для выясненiя самой причины смерти, не только характера ея. Предметомъ этого процесса (изд. А. Суворина 1891 г.) былъ случай часто повторяющiйся въ судебной практикѣ, а именно отравленiе мышьякомъ, даннымъ потерпѣвшему, который, въ это время, былъ боленъ; Максименко былъ боленъ брюшнымъ тифомъ; мышьякъ дали ему, повидимому просто въ чаѣ, часто его даютъ, въ виду его блага цвѣта и сходства съ обыкновеннымъ аптечнымъ порошкомъ, подъ видомъ лѣкарства. При изслѣдованiи внутренностей Максименко, во всѣхъ органахъ было обнаружено присутствiе мышьяка и при томъ въ такомъ количествѣ, что изслѣдователи опредѣлили, что въ организмъ Максименко было введено, не менѣе, 10 гранъ мышьяка — количество колоссальное.

На судѣ были заслушаны 4 эксперта: Провизоръ Ф. Ф. Роллеръ, Приватдоцентъ Х. Ф. Беллинъ, Врачебный Инспекторъ Покровскiй и профессоръ Ф. А. Патенко (191 — 216). Эксперты разошлись въ самомъ существенномъ. Первые трое признали, что смерть Максименки послѣдовала отъ отравленiя мышьякомъ и что послѣднiй былъ, разумѣется, введенъ при жизни и послѣднiй экспертъ, Патенко, что смерть послѣдовала отъ тифа и ядъ былъ введенъ по смерти и просочился посред-

ствомъ илбибиции. Такое разногласіе, не только по вопросу о причинахъ смерти, но даже и о томъ, при жизни, или по смерти, былъ введенъ ядъ, несомнѣнно, должно привести въ крайнее удивленіе людей, непосвященныхъ въ науку и, во всякомъ случаѣ, заставить весьма усумниться въ непреложности и ясности изреченій представителей медицины. При томъ-же, не надо забывать, что въ процессѣ Максименко разошлись во мнѣніяхъ не случайно попавшіе въ эксперты врачи, а представители университетской науки. Какъ средство для разрѣшенія дѣла оставалось ознакомленіе съ обстоятельствами предшествовавшими и сопровождавшими смерть Максименко; по рассмотрѣніи ихъ, присяжные двухъ составовъ, авторитетно, въ обоихъ случаяхъ рассмотрѣніи дѣла, признали, что смерть произошла отъ отравленія и мнѣніе защиты, что мышьякъ попалъ въ организмъ Максименко послѣ смерти, по ошибкѣ. подъ видомъ дезинфекціоннаго средства, при вскрытіи, вмѣсто сулемы, не имѣющимъ основаній. Присяжнымъ стало ясно, послѣ выслушанія показаній лицъ, бывшихъ при Максименкѣ въ день его смерти, что въ его состояніи произошло въ этотъ день, когда онъ себя великолѣпно чувствовалъ, что то ненормальное, что то внезапное, что то такое, что не можетъ быть объяснено нормальнымъ ходомъ болѣзни, которая значительно облегчилась, что то такое, что вызвало рѣзкія явленія, до того не бывавшія и имѣющія безусловное сходство съ явленіями, которыя бывають при отравленіи мышьякомъ, какъ это объяснили на судѣ сами врачи; присяжные, вѣроятно, также приняли во вниманіе, что обстановка предварительнаго химическаго анализа, хотя и страдала нѣкоторыми неточностями, исключала, однако, возможность ошибки; освѣтивъ, повторяю, вѣроятно, всѣ эти данныя свѣдѣніями о семейной жизни Максименко, о нравственной, т. с., возможности отравленія его, присяжные авторитетно, дважды, отвѣтили на вопросъ: доказано ли, что Максименко былъ отравленъ: да доказано.

Разногласіе врачей — экспертовъ въ процессѣ Максименко не представляетъ собой чего либо исключительнаго, тѣмъ менѣе основаній заподозрѣвать добросовѣстность экспертовъ. Если мы

обратился къ любому, извѣстному учебнику Судебной Медицины, то мы прійдемъ къ убѣжденію, что подобное разногласіе вполнѣ неизбѣжно, при современномъ состояніи науки медицины и спеціально ученія о ядахъ. Я позволю себѣ привести нѣсколько выписокъ изъ учебника Судебной Медицины Гофмана въ переводѣ проф. Сорокина (изд. 1880 г.) „Токсическое воспаленіе желудка и кишечнаго канала выражается сильными болями въ желудкѣ, органахъ глотанія, тошнотой, сильной рвотой; къ этому присоединяется напряженіе живота, неутолимая жажда, сильное безпокойство, часто также поносъ съ тенезмами..... названные симптомы, сами по себѣ, не составляютъ полной характеристики ни отравленія какимъ нибудь опредѣленнымъ ядомъ, ни отравленія вообще и могутъ появиться, также, при естественномъ заболѣваніи какъ общаго, такъ и мѣстнаго характера „стр. 454. Послѣ многихъ отравленій, въ особенности послѣ отравленій органическими ядами, мы не находимъ, при вскрытіи, никакихъ рѣзкихъ характерныхъ измѣненій, чаще всего встрѣчаются такіе же измѣненія какъ при смерти отъ задушенія „стр. 463 переводчикъ учебника Гофмана проф. Сорокинъ прибавляетъ „Въ настоящее время, можно утверждать, безъ опасенія сдѣлать ошибку, что общія анатомонатологическія измѣненія при всѣхъ ядахъ, безъ изыатія, бывають одни и тѣ же. Если отравленіе быстро оканчивается смертью (не позже 12 часовъ), то, при вскрытіи, находятъ одни только признаки смерти отъ асфиксін; если же смерть наступаетъ позднѣе, то оказываются перерожденія, воспаленія, кровоподтеки и т. д.“. „Если при химическомъ изслѣдованіи получается отрицательный результатъ, то этимъ, отнюдь, не исключается возможность смерти отъ отравленія. Существуетъ, во первыхъ, цѣлый рядъ ядовъ, присутствіе которыхъ химія, въ настоящее время, еще не можетъ обнаружить; таковы напр. большинство животныхъ ядовъ и многіе растительные яды; во вторыхъ, ядъ, иногда, нельзя открыть, потому что онъ успѣлъ уже выдѣлиться, или разложиться. Большая часть яда извергается наступающею, въ большинствѣ случаевъ, рвотой, испраженіями и т. д. Полное выдѣленіе яда не препятствуетъ смерти“ „Гофманъ 469 „Намъ нѣсколько разъ при-

ходилось видѣть посмертное пропотѣваніе щелока черезъ стѣнки желудка „стр. 478.

„Нѣтъ основанія отрицать, что смерть можетъ наступить, по выдѣленіи всего мышьяка изъ тѣла“ стр. 485.

Едва-ли, при такомъ состояніи науки, врачи имѣютъ нравственное право, выступая со своими заключеніями на судѣ, рѣшительно высказываться не только по самымъ существеннымъ вопросамъ въ дѣлѣ, но даже и по вопросу о причинахъ смерти. Наука, которой они являются представителями, не уполномочиваетъ ихъ на это, не даетъ имъ для этого средствъ; загадка, составляющая предметъ каждаго дѣла, должна и можетъ быть разрѣшена на болѣе широкихъ основаніяхъ, на основаніи цѣлаго ряда доказательствъ и экспертиза можетъ быть лишь однимъ изъ такихъ доказательствъ, однимъ, въ числѣ другихъ.

По второму, важному вопросу, по которому судъ призываетъ на помощь представителей науки медицины: по вопросу о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго, врачи эксперты высказываются всегда еще болѣе авторитетно чѣмъ по первому вопросу, о причинахъ смерти; захватываютъ своими заключеніями уже безусловно весь слѣдственный матеріалъ и, въ сущности, имѣютъ на это еще меньше права, чѣмъ при разрѣшеніи перваго вопроса, по крайней мѣрѣ настоящая наука психіатріи ихъ вовсе на это не уполномочиваетъ.

Прежде всего, остановимся на вопросѣ о локализациі душевныхъ способностей человѣка. Дѣйствительно, при обсужденіи вопроса о состояніи душевныхъ способностей, мы не должны забывать, что, говоря, въ смыслѣ научномъ, о душевныхъ способностяхъ, о душѣ, мы не подразумеваемъ болѣе той души, о существованіи которой учитъ христіанская религія, мы говоримъ о совершенно реальныхъ физическихъ способностяхъ; если мы говоримъ о болѣзненныхъ патологическихъ отравленіяхъ, то вѣдь это отравленія какихъ нибудь реально существующихъ органовъ, или частей таковыхъ. Если мы дѣйствительно желаемъ оставаться на прочной почвѣ фізіологіи намъ необходимо, говоря о

разстройствѣ какой либо душевной способности, сказать, вмѣстѣ съ тѣмъ, о томъ органѣ, въ которомъ локализируется эта способность, такъ какъ если отправления ненормальны, то слѣдовательно ненормально состояніе самого органа, котораго отправления мы наблюдаемъ—это, мнѣ кажется, вполне несомнѣнно.

И вотъ, необходимо сказать, что *пока* современная наука можетъ отвѣтить на вопросъ о локализациіи душевныхъ способностей только съ прибавленіемъ „вѣроятно“, приблизительно.

Остановимся по этому вопросу на сочиненіи Т. Цигена Физиологическая психологія въ переводѣ проф. В. Чижъ 1893 г. и позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ:

„Центральныя окончанія обонятельныхъ волоконъ находятся, *вѣроятно*, также въ извилинѣ крестовиднаго отростка височной доли.....

„Центральныя окончанія вкусовыхъ волоконъ слѣдуетъ, *вѣроятно*, искать въ извилинѣ крестовиднаго отростка мозговой коры.. ... стр. 48 и 46.

„Путемъ опыта, физиологія, съ *большой вѣроятностью*, указываетъ, что образы воспоминанья *могутъ* отлагаться исключительно на мозговой корѣ“. Объясняя процессъ воспоминанія Цигенъ говоритъ: „понятно, что эта схема не единственно возможная, а только лишь самая *вѣроятная*, соотвѣтственно нашимъ теперешнимъ познаніямъ. Дальнѣйшія соображенія можно легко подвести подъ другую подобную же схему, тѣмъ болѣе что они *почти не зависятъ отъ физиологическихъ гипотезъ*“ стр. 110.

Разъясняя далѣе ассоціациіи идей, Цигенъ говоритъ: „Эта попытка разъяснить, какіе именно физиологическіе процессы происходятъ въ мозговой корѣ, при узнаваніи предметовъ, оказывается, вслѣдствіе *недостаточности нашихъ свѣдѣній* о процессахъ въ мозговой корѣ *чрезвычайно гипотетичной* въ частностяхъ, и, пожалуй, вѣрной только въ общихъ чертахъ“ стр. 123.